

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 303.01

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-65-76

А. А. Шевченко^{1,2}, Л. В. Драгель¹

¹ *Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru, ldragel@mail.ru

ПУБЛИЧНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ КАК НОРМАТИВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Обсуждается содержание и соотношение нормативных категорий «публичное» и «политическое», а также специфика публичного обоснования. Показаны возможности различных трактовок публичного дискурса, использующего понятия власти и справедливости. Политическое трактуется как процедура взаимодействия частного и публичного, в результате которой индивиды могут занять определенную институциональную политическую позицию. Продемонстрированы возможности публичного обоснования для разрешения конфликтов ценностного и нормативного характера, а также сходства и различия между обоснованием публичным и научным.

Ключевые слова: публичное, политическое, нормативность, власть, справедливость, дискурс, обоснование публичное и научное.

В политической философии большое внимание уделяется обсуждению таких нормативных категорий, как «публичное», «политическое», а также их соотношению. Публичное часто, уже в силу этимологии слова, ассоциируют с обществом, а политическое с властью, но при такой поверхностной трактовке в сфере политического оказывается относительно небольшая часть граждан, либо непосредственно участвующих в борьбе за власть, либо уже занимающих определенные властные позиции.

Однако, определяя политическое через власть, необходимо говорить и о сфере публичного, так как власть, во всяком случае государ-

ственная, всегда осуществляется в публичном пространстве. Кроме того, власть и те, над кем она осуществляется (или те, кто эту власть выбирает), образуют некоторый симбиоз или, по крайней мере, некое общее стремление к единству. Такое стремление к единству можно проследить у Аристотеля: «...в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же» [1984. С. 377, 1252a30].

Власть можно понимать и как фактор возникновения публичного. Согласно Х. Арндт, «Власть есть то, что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу, потенциальное пространство явленности среди действующих и говорящих» [2000. С. 265]. Здесь власть и политическое видятся как пространство, формирующее публичное, иначе говоря, политическое, понимаемое как власть, есть потенциальное публичное, определяющее собственно публичное. Именно публичное, а не политическое является видимым и гласным для всех пространством действительности, а также общностью того мира, в котором мы живем, т. е. неким пространством явленности среди действующих и говорящих. Благодаря речи и действию человек выступает в явленность, обнаруживает себя. Таким образом, для Арндт, если человек говорит или совершает действие, то он выступает в публичность, пространство явленности. При этом «...приватный человек не выступает в явленность, словно как если бы его вообще не было. Все, что он делает или упускает, остается лишено значения, не имеет последствий, и что его задевает, не касается больше никого» [Там же. С. 76].

Такое общее пространство создает ощущение порядка и спокойствия, которое проявляется в некотором «желании жить вместе». Это общее желание фиксируется через действия, поступки, речь, совершаемые людьми. Через действие и речь, люди обнаруживаются другими, попадая в общее пространство «действующих и говорящих». Однако следует учитывать также то обстоятельство, что для обнаружения себя в публичном, вероятно, необходима некоторая рефлексия человека, осознание самого перехода от частного к публичному, в которое он выступает.

В связи с этим возникает проблема самоопределения индивидов в публичном пространстве. Ю. Хабермас пытался решить ее, опираясь на публичный дискурс. Этот дискурс осуществляется в основном в рамках определенной политической культуры. Иначе говоря, мнение индивида о политике чаще всего формируется под воздействием общественного мнения, что, в свою очередь, приводит к институционализации публичности через публичный дискурс как граждан между собой, так и с властью. А это в дальнейшем создает предпосылки для равноправной дискуссии власти и общества. При этом власть, считает Ю. Хабермас, не может игнорировать общественное мнение, так как ей необходимо действовать в рамках правового поля [1995. С. 75].

Но это означает, что власть имущие вынуждены считаться с общественным мнением, которое, вероятно, также можно охарактеризовать как определенную явленность среди действующих и говорящих, т. е. публичность. Основной формой взаимодействия в такой явленности становится публичный дискурс. Причем, публично видится в форме определенных публичных дискурсов идей, традиций, законов, институтов и т. д. Поэтому публичный дискурс становится важным, если не определяющим инструментом власти, включая как тех, кто имеет доступ к власти, так и тех, кто борется за властные позиции или оппонирует власти.

М. Фуко характеризовал этот дискурс как «право на жизнь» власти, расширение пространства которой проявляется через публичные дискурсы [1996]. Т. Алексеева верно замечает, что политическое рассматривается как дискурс между частным и публичным [2005а]. При этом власть, а соответственно, и политическое оказываются скрытыми за публичностью, поскольку все внимание приковано к этому теоретическому конструкту. Т. Алексеева предлагает следующее условие сохранения частной сферы: по ее мнению, частная сфера сохраняется «...до тех пор, пока люди сохраняют свое право отвергнуть внешнюю интерпретацию своей личности (за исключением случаев, когда человек является пациентом врача, т. е. находится в заведомо неравной ситуации, и в ряде аналогичных случаев)» [2005б. С. 15].

В этом смысле публичный дискурс является для власти удобным способом реализации своего потенциала в публичном пространстве. Однако в последнее время наблюдается тенденция рассматривать проблему политического через призму не власти, а справедливости. По мнению П. Рикёра, «справедливость благодаря своему распределяющему характеру несет в себе элемент различения, сочленения,

согласования, которого недостает понятию желания жить вместе» [2005. С. 49].

Также можно сказать, что именно вопрос о границах политического является главным для любой теории социальной справедливости, так как те или иные представления о наиболее справедливой организации общества напрямую зависят от того, как понимается сама сфера политического. Тем самым для индивидов открывается возможность реформирования того пространства, в котором находятся они сами. «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов... законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы», – отмечал Дж. Ролз [1995. С. 19].

Прояснить это, вероятно, можно следующим образом. Если взять потенциальную возможность занять какой-то политический пост, то ее можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, это может характеризоваться в деонтологической модальности, причем нам неизвестно, кто это может быть, поскольку основное ударение делается на «каждый», как всякий, где позиция «я» как бы идентифицируется с другими, т. е. «я» в числе «других» могут занять этот пост. На данное обстоятельство и указывал П. Рикёр. «Деонтологическое» здесь понимается как «находящееся в правовом поле». Во-вторых, позиция «каждый» рассматривается, прежде всего, как «я», т. е. если каждый может стать депутатом, то, значит, и я могу. Тогда получается, что для того, чтобы занять пост, индивиду в значении «я», а не «каждый» приходится совершать какие-то действия, которые могут привести к успеху. Тем самым деонтологическая характеристика «каждый имеет право» перекрывается онтологической. Должное, как некий ориентир, игра, в которой победитель неизвестен до ее окончания, перекрывается сущим, где предпринимаются определенные действия, для того чтобы победить.

Таким образом, в деонтологической позиции «каждый имеет право» неявным образом отражается то, что под каждым имеется в виду каждый индивид, где последний становится тем ориентиром, на кого направлена справедливость. То, что каждый имеет право, уже само по себе институционально, открыто, т. е. публично. Справедливость, как замечает Дж. Ролз, применяется к институтам, к базисной структуре общества, а не к множеству индивидов с их множеством различных индивидуальных обстоятельств, социальных и экономических. При этом институты формируются действиями индивидов. Политическим здесь становится процедура взаимодействия частного и публичного, где первое характеризуется как множество индиви-

дов, которые через некоторую процедуру могут занять определенную институциональную политическую позицию. Причем процедура определяет то, кто займет данную позицию. «Человек опирается на то, что публичные правила говорят ему по поводу его действий, а правила зависят от того, что он делает. Получающееся распределение есть результат выполнения требований, определяемых тем, что человек решает делать в свете этих законных ожиданий» [Ролз, 1995. С. 85]. Таким образом, институт есть некая публичная система правил, которая известна всем, т. е. каждый знает то, что это знают и другие. «Каждый имеет право» означает, что все знают, что «каждый имеет право». Тем самым формулировка «каждый имеет право» приобретает институциональное значение.

Таким образом, можно различать место и роль справедливости в политическом, определяемом через власть, и справедливость в политическом, определяемом как справедливость. Поэтому политическое, с одной стороны, это пространство, в котором власть формирует представление о справедливости, а с другой – справедливость формирует представление о власти. По мнению Ж. Рансьера, политическое всегда связано с оценкой на справедливость – оценив что-то как несправедливое, мы тем самым исходим из представления о справедливом [2006]. Однако при этом принципиальным остается вопрос о том, кто определяет, что справедливо, а что несправедливо? Кто формирует представление о справедливости? Если это решают все и чувство справедливости присуще всем, тогда политическое будет определяться через справедливость, если же нет, то политическое рассматривается через власть.

Выше мы уже отмечали важность процедуры легитимации в политическом пространстве и публичном дискурсе. Рассмотрим теперь процедуру публичного обоснования и ее роль в сфере политического. Обоснование представляет собой процедуру более общую и более фундаментальную. Под легитимацией обычно понимается обоснование реально существующих социальных норм, практик и институтов. Однако в современной политической философии большое внимание уделяется конструированию норм и принципов гипотетического общественного устройства в целом или обоснованию наиболее рациональных механизмов реализации требования публичности, т. е. обеспечения политического участия граждан. Хотя часто эти конструкции и используются затем для легитимации существующих общественных отношений, однако в теоретическом плане это цели разные. Еще одна характеристика современных подходов к публичному обоснованию состоит в переносе акцента с содержательных обсужде-

ний проблем как власти, так и справедливости, к описанию процедур, с помощью которых такие принципы и нормы справедливости могли бы быть получены. При этом наиболее часто используемые философские техники – это абстрагирование и идеализации.

Деонтологические концепции часто критикуют за «абстрактность», под которой, как правило, понимается неприменимость этих концепций к «реальной» жизни. Критикуют и за идеализированный характер, причем под этим часто понимается утопизм. На самом деле, как в научном познании, так и в философии морали и политики абстракции и идеализации играют чрезвычайно важную роль. Так, в общественно-договорной традиции в описание исходных ситуаций, в которых происходит выбор принципов справедливости, обычно включаются лишь самые основные характеристики ситуации выбора. Таким образом, авторы концепций уже на стадии формулировки проблемы явно или неявно определяют, какие именно характеристики ситуации являются значимыми для поведения индивидов. Именно здесь становится наиболее очевидной слабость предлагаемых теорий, так как факторов, которые влияют или могут повлиять на поведение людей, бесконечно много. Исключение, например, из описания ситуации выбора культурных и исторических традиций общества или группы вызывает вполне обоснованную критику и упреки в игнорировании именно тех черт ситуации, которые являются определяющими для выбора. Так, например, занавес неведения Дж. Ролза исключает знание индивидами своих концепций блага, что предполагает, что концепции блага не значимы для выработки принципов справедливости.

На самом деле, возражения вызывают не сами абстракции, а именно их идеализированные формы. Если говорить о современных теориях справедливости, то О'Нил показывает, что в них принимаются предпосылки о наличии у индивидов таких возможностей и способностей для осуществления «рационального выбора» и самодостаточного существования, которые явно недостижимы. Поэтому здесь мы имеем дело не просто с абстракцией, а с идеализацией [O'Neill, 1997. P. 39–44]. Главная проблема, по ее мнению, состоит не в том, что при описании индивидов мы отвлекаемся от слишком большого числа присущих им характеристик, но в том, что мы добавляем слишком много таких черт, которые в действительности этим индивидам не присущи. Например, стандартный критический аргумент состоит в том, что гипотетическим индивидам в таких теоретических конструкциях приписывается совершенная рациональность.

Такие характеристики процедуры обоснования, как абстракции и идеализации в философии, сближают ее с процедурами научного обоснования. В частности, и в той, и в другой сфере необходимыми являются такие условия, как терпимость и уважение к чужому мнению, готовность к критическому анализу собственных воззрений. Сходная функциональность этих процедур в науке и политической философии, а также представления о науке как средстве «решения головоломок» и достижения временного консенсуса дали основания и для замечаний о том, что «...философия науки представляет собой не что иное, как приложение политической философии к научному сообществу» [Fuller, 1988. P. 6].

Есть, конечно, и различия. Если целью научного объяснения является обоснование отдельных содержательных положений, законов или теорий, то цель публичного обоснования заключается в устранении конфликтов или достижении консенсуса в некотором публичном пространстве, чаще всего понимаемом как дискурсивное. Переход к понятию дискурса был вызван разочарованием в объяснениях «фундаменталистского» толка, т. е. идее предельного основания как средстве решения всех разногласий, и моральных, и политических.

Дискурсивный принцип характеризуется двумя аспектами. Он имеет когнитивный смысл фильтрации резонов и информации, тем и вкладов таким образом, что предпосылкой исхода дискурса является рациональная приемлемость – легитимность нормы обеспечивается именно демократической процедурой. В то же время он имеет практический смысл установления отношений взаимопонимания, которые «свободны от насилия» в смысле Арендт и которые освобождают порождающую силу коммуникативной свободы [Habermas, 1996. P. 151].

Идея публичного обоснования характеризуется нормативностью. Среди требований к публичному обоснованию наиболее важным является именно универсальность аргументации, публичное обоснование должно служить убедительным основанием для всех граждан, апеллируя к публичному разуму. При этом универсальность в пространстве политического – это не идеальный консенсус фиктивных индивидов, а реальный политический и моральный процесс борьбы конкретных, телесных индивидов за автономию. Апелль аргументирует необходимость реального коммуникативного сообщества, используя аргумент Витгенштейна о невозможности «приватного языка». «Логическая значимость аргументов не может быть доказана, если в принципе не предполагается сообщество мыслителей, способных к intersубъективному взаимопониманию и формированию консен-

суса. Даже фактически одинокий мыслитель в состоянии объяснить и доказать свою аргументацию лишь постольку, поскольку он может в критическом разговоре “души самой с собой” (Платон) интериоризировать диалог потенциального аргументационного сообщества. Тут проясняется, что значимость мышления в одиночестве принципиально зависит от оправдания языковых высказываний в актуальном аргументационном сообществе» [Апель, 2001. С. 301].

Насколько обоснован выбор самой этой процедуры публичного обоснования как средства разрешения серьезных конфликтов ценностного и нормативного характера? Во-первых, принято считать, что требования публичного обоснования являются выражением нашей природы как моральных существ. При этом необходимо отметить, что такая аргументация «от моральной природы» обычно является интерналистской и деонтологической, уже в плане моральном. Требования публичного обоснования могут выражать моральный мотив, а именно – желание вести себя в соответствии с принципами, которые могут быть обоснованы самому себе и другим беспристрастным образом. Второй аргумент заключается в том, что требования публичного обоснования иногда связываются с понятием автономии. «Показать людям, что у них есть достаточные основания принять (такую систему) – это максимум того, чего мы можем добиться для того, чтобы сделать недобровольное участие добровольным» [Nagel, 1991. P. 36]. Кроме того, требования обоснования могут являться выражением идеала «правления закона». В сильной форме выражает это Ю. Хабермас, который выводит легитимность закона непосредственно из процедуры дискурсивного обоснования: «На пост-традиционном уровне обоснования, как мы бы сегодня сказали, единственный закон, который считается легитимным – это такой, который мог бы быть рационально принят всеми гражданами в дискурсивном процессе формирования мнения и воли» [Habermas, 1996. P. 35].

Если говорить о сфере действия публичного обоснования, то это некоторое политическое пространство, «политические обстоятельства». «Политические обстоятельства», по сравнению с обстоятельствами справедливости Ролза, понимаются некоторыми философами как более общие и абстрактные, они возникают всякий раз, когда мы не соглашаемся друг с другом относительно того, как следует жить вместе и в отсутствие ясных эмпирических способов разрешения таких разногласий. Самая общая идея заключается в том, что прояснение спорных ситуаций требует наличия авторитетной процедуры публичного разрешения таких споров, которая бы содержала приемлемые для всех участников спора правила, процедуры и стандарты

обоснования. Довольно жестким ограничением является требование универсальности, т. е. представления таких аргументов, которые бы оказались убедительными для всех участников политического процесса. Так как в современном демократическом обществе трудно представить возможность достижения консенсуса по какому-либо содержательному вопросу, то акцент переносится на согласие по поводу процедур, которые бы регулировали решение частных конкретных вопросов.

Таким образом, в пользу публичного обоснования можно привести два типа аргументов – моральные и прагматические. Так как публичное обоснование апеллирует к публичному разуму, то ключевым здесь является понятие рациональности. Особо следует отметить подход Хабермаса, для которого требования публичного обоснования являются, на самом деле, ни чем иным, как требованиями рациональности, причем рациональности не инструментальной, а коммуникативной, реализуемой в процессе дискурса. Хабермас апеллирует к греческому пониманию логоса и как разума, и как языка, соединяя, таким образом, понятия рациональности и лингвистичности.

Ключевая идея заключается в том, что моральные нормы должны проверяться не в гипотетической, а в реальной аргументации. Если конструкция Ролза монологична, так как каждый индивид проводит процесс рассуждения самостоятельно и независимо от других, то отличительная особенность дискурсивной этики Хабермаса заключается как раз в том, что она интерактивна, обоснование норм имеет место в реальном дискурсе и не может происходить в монологической форме, в форме гипотетического процесса аргументации, разворачивающегося в индивидуальном сознании. Моральное обоснование является принципиально intersubjectивным, в том смысле, что целью его являются поиски разумного согласия участников дискурса. В то же время нормы, которые подлежат обоснованию в процессе такого дискурса, имеют не только прагматический, но и когнитивный компонент, который каким-то образом должен коррелировать с когнитивными установками или состояниями участников дискурса. Если это так, то возникает вопрос: должен ли процесс публичного обоснования начинаться с критической рефлексии над собственными верованиями или же достаточно представить аргументы в пользу имеющихся взглядов другим участникам дискурса?

В общем случае смысл процедуры публичного обоснования состоит в том, чтобы показать, что те или иные нормы (в нашем случае, социальные обязательства) подчиняются требованиям разума или хотя бы согласуются с ними. Поэтому все современные подходы

к публичному обоснованию того или иного нормативного поведения опираются на идею рациональности. На общем фоне релятивизации рациональности особенно важно отметить примечательную и обнадеживающую тенденцию в современной политической философии, суть которой заключается в попытке не только переосмыслить понятия рациональности и мысленного эксперимента, но и выстроить на их основе методологию нормативного социально-философского исследования.

Список литературы

- Алексеева Т. А.* Публичное и частное: где границы политического? // *Философские науки.* 2005а. № 3. С. 26–39.
- Алексеева Т. А.* Публичное и частное: где границы политического? // *Философские науки.* 2005б. № 4. С. 5–15.
- Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Аристотель.* Политика. Соч.: В 4 т. М.: Мысль. 1984. Т. 4.
- Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006.
- Рикёр П.* Справедливое. М.: Гнозис; Логос, 2005.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Фуко М.* Право на смерть и власть над жизнью // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 238–268.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.
- Fuller S.* Social Epistemology. Indiana Univ. Press, 1988.
- Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge: The MIT Press, 1996.
- Nagel T.* Equality and Partiality. Oxford Univ. Press, 1991.
- O'Neill S.* Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World. New York: State Univ. of New York Press, 1997.

Материал поступил в редколлегию 25.01.2018

A. A. Shevchenko^{1,2}, L. V. Dragel¹

¹ *Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru, ldragel@mail.ru

THE PUBLIC AND THE POLITICAL AS NORMATIVE CONCEPTS

The authors discuss the content and interrelations between the normative categories of «public» and «political», as well as specific features of public justification. The paper also analyzes the resources of various kinds of public discourse which uses the concepts of power and justice. The political is treated as a procedure of interaction between the private and the public resulting in providing opportunities for individuals to occupy certain institutional political positions. The article shows the resources of public justification for solving value and normative conflicts, as well as similarities and differences between public and scientific justification.

Keywords: the public, the political, normativity, power, justice, discourse, public and scientific justification.

References

Alekseeva T. A. Publichnoe i chastnoye: gde granitsy politicheskogo? [The Public and the Private: Where are the Boundaries of the Political?]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2005, no. 3, p. 26–39. (In Russ.)

Alekseeva T. A. Publichnoe i chastnoye: gde granitsy politicheskogo? [The Public and the Private: Where are the Boundaries of the Political?]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2005, no. 4, p. 5–15. (In Russ.)

Apel K.-O. *Transformatsiya filosofii* [The Transformation of Philosophy]. Moscow, Logos, 2001. (In Russ.)

Arendt H. *Vita activa*. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

Aristotle. *Politika* [Politics]. *Sochineniya: V 4 t.* [Selected Works: In 4 vols]. Moscow, 1984, vol. 4. (In Russ.)

Fuko M. *Pravo na smert' i vlast' nad zhiznyu* [Right of Death and Power over Life]. *Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: on the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, 1996, p. 238–268. (In Russ.)

Fuller S. *Social Epistemology*. Indiana Univ. Press, 1988.

Habermas J. *Between Facts and Norms*. Cambridge, The MIT Press, 1996.

Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [*Democracy. Rationality. Morality*]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Nagel T. *Equality and Partiality*. Oxford Univ. Press, 1991.

O'Neill S. *Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World*. New York State Univ. of New York Press, 1997.

Ransyer Zh. *Na krayu politicheskogo* [*On the Verge of the Political*]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Riker P. *Spravedlivoye* [*The Just*]. Moscow, 2005. (In Russ.)

Rolz D. *Teoriya spravedlivosti* [*A Theory of Justice*]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)